

4. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – С. 13–24.
5. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М. : Гардарика, 1998. – 781 с.
6. Токарев, Г. В. Лингвокультурный символярий: квазисимволы: монография / Г. В. Токарев. – Тула : ТППО, 2021. – 113 с.
7. Флоренский, П. Философия культа / П. Флоренский. – М. : Издательство «Мысль», 2004. – 685 с.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1987. – 447 с.
9. Иванов, Вяч. Две стихии в современном символизме // Вяч. Иванов. Собрание сочинений. Т. II / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, 1974. – С. 536–561.

Abstract. The article shows that the “soul”, the basis of the phraseological unit, on which both the cultural connotation and the image of the phraseological unit and other components of the model proposed by V. N. Teliya, is a quasi-character. Identification of the mechanisms of formation of the figurative-symbolic component will help to better understand the cognitive activity of a linguistic personality.

Keywords: phraseological unit, image, metaphor, symbol, quasi-symbol.

УДК 811.161.1'42'371:398.92:392.42

О. Н. Мельникова

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО СЛОВЕСНОГО КОМПЛЕКСА ХУЛА И ХВАЛА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования устойчивого словесного комплекса *хула и хвала*, построенного на основе антонимии (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка). Предполагается, что функционирование данной фразеологической единицы связано с особенностями семантики и внутренней формы ее ключевых компонентов.

Ключевые слова: фразеологизм, сочетаемость, лексема, этимология, семантика, внутренняя форма.

Любое наименование в языке является результатом опыта, поскольку ему предшествует познавательная деятельность человека. Результаты этой познавательной деятельности, экстралингвистические мотивы переосмысления наиболее наглядно представлены в образной составляющей фразеологических единиц. В ряде случаев функционирование фразеологизма обусловлено особенностями семантики и внутренней формы его ключевых компонентов.

Объектом рассмотрения в данной статье является устойчивый словесный комплекс *хула и хвала*, построенный на основе антонимичных отношений. Лексема *хвала* сопровождается стилистической пометой «высокое» и определяется как ‘высокая похвала’: *Хвала герою! Воздавать хвалу кому-, чему-нибудь* [1, с. 747]. Лексическое значение лексемы *хула*, сопровождающейся пометой «старое», определяется следующим образом: ‘то, что порочит кого-, что-нибудь, осуждение, порицание’: *Изрыгать хулу. Произносить хулу* [1, с. 756]. Устойчивость рассматриваемого словесного комплекса базируется не только на антонимических отношениях, заданных семантической структурой языка, но и на фонетическом параллелизме, созвучии этих двух компонентов. В различных контекстах лексемы *хвала* и *хула* регулярно противопоставляются, сравн.: *От других мне хвала – что зола, От тебя и хула – похвала* (А. Ахматова); *Лучше умная хула, чем дурацкая хвала*. В словаре антонимов фиксируется не только антонимичная пара *хвала – хула*, но и пары однокоренных лексем: *хвалить – хулить, хвалитель – хулитель* [2].

О противоположности семантики рассматриваемых лексем и их производных свидетельствуют также данные толковых словарей.

Глагол *хвалить* отражает значения, связанные с выражением положительного эмоционального отношения: ‘одобрять, превозносить’, ‘называть добрым, хорошим’, ‘признавать достоинство, добрые качества’: *Хвалю (люблю) молодца за обычай! Как вас хвалят?* пск. (честят, зовут по отчеству); *Так это-то ваш хваленый конь?* (пресловутый). Одобрительная оценка кого-, чего-либо, выраженная в словесной форме, является темой множества паремий, сравн.: *Хвали утро вечером. В очи не хвали, за очи не брани. Хороша дочь Аннушка, коли хвалят мать да бабушка! Скорого дела не хвалят. Всяк свое хвалит. Дурак дурака и хвалит. Всякий купец свой товар хвалит. Всякая работа мастера хвалит. Не хвали жену телом, а хвали делом. Всяк правду хвалит, да не всяк ее хранит* [3].

Возвратный глагол *хвалиться* выражает значения ‘похваляться, величаться, хвастаться’: *Не хвались, а лучше Богу помолись. И собой не хвалюсь, и людей не хваю. Не хвались отъездом, хвались приездом;* ‘угрожать, грозить мезтью’: *Хвалился, что деревню сожжет. А польской и литовской король хвалится на Московское государство* [3].

Имеются также многочисленные именные производные: *хваленье, хвальба* ‘действие по глаголу *хвалить*’, ‘хвастовство’: *Хваление Богу, живем и здравствуем. Хвальба сорочки не даст; хвалена, хваленка, хваленушка* ‘хваленая, пресловутая, прославленная вещь’: *Не бери дальней хваленки, а бери ближнюю хаянку; хвальчивый* ‘хвастливый, бахвальный’; *хвалитель, хвалительница, хвальщик, хвальщица* ‘хвалящий(-ая) что, кого’; *хваленик, хваленица* ‘воздающий(-ая) хвалу’; *хваленик, хваленица* ‘купленный хвалитель и славитель, пролаза и льстец’; *хвалько* ‘бахвал, самохвал’: *Хвалько нахвалится, а будько набудется!*; *хвалословие* ‘воздание хвалы, славы, почета’ [3].

Большинство однокоренных диалектных образований выражает семантику, связанную с одобрительной оценкой: *выхвалка, выхвальба* арх., костр. ‘хвастовство, стремление показать себя с хорошей стороны’, ‘похвала’: *Это он на выхвалку рубли-то бросает* [4, вып. 6, с. 48], *похвал* ‘одобрение, похвала’, *честная похвала* ‘доброе мнение, добрая слава’, *похва́лы* ‘свадебные величальные песни в честь жениха’, *похвалуга, похвалуха* пск. ‘одобрение, похвала’, *похвалка* ‘поздравление, величание новобрачных’, ‘похвальба, хвастовство’, *похвалиный стол* ‘известный на всю округу пир’ [4, вып. 30, с. 341–342]. При этом отмечается и лексема с отличной семантикой, сравн.: *похвалки* ‘угроза кому-либо’ [4, вып. 30, с. 342].

Семантика глагола *хулить* связана с вербальным выражением крайне неодобрительного отношения к кому-, чему-либо: ‘не одобрять, порицать’, ‘хаять, порочить’, ‘унижать, оуждать’, ‘осуждать, обзывать дурным, плохим, негодным’: *Не выдавши, не хули. Плохая работа сама себя хулит. Не хвали в очи (в глаза), не хули за очи (за глаза). Чего хвалить не умеешь, того и не хули.* Возвратный глагол *хулиться* отражает значение ‘притворно плакаться, жаловаться на торговые барыши, не выказывая, скрывая, либо умаляя их’. *Полно тебе хулиться, знаем мы тебя!* Отмечается употребление многочисленных префиксальных производных, сравн.: *Выхулил себе коня, опорочил, купил задешеве. Уж дохуливай до конца, захули вовсе. Нахулился вволю. Охулили новокупку мою. Хули, да не перехуливай. Расхулить в пух.* Сравн. также значения производных существительных и прилагательных: *хулень* ‘действие по глаголу *хулить*’, *хулительный, хульный, охульный* (отзыв, речи) ‘порицающие, оуждающие’; *хулитель, хулительница, хулильщик, хулильщица, хульник, хульница, хульщик, хульщица* ‘тот, кто хулит, бранит, хает, порочит что, кого’ [3].

Семантика родственных диалектных образований также связана с различными проявлениями негативной оценки: *ыхаивать* вят. ‘бранить, дурно отзываться о ком’ [4, вып. 6, с. 48], *охайщик* арх. ‘тот, кто смеется над всеми, всех ругает’, *охайма* моск. ‘озорник, озорница, шалун, шалуныя’ [4, вып. 25, с. 23], *похаивать* алтайск. ‘охаивать, поругивать’, *похайка* твер. ‘осуждение кого-либо, позор, срам’ [4, вып. 30, с. 342].

В этимологии рассматриваемых ключевых слов *хула* и *хвала* также обнаруживается определенный параллелизм, обусловленный синкретичным характером исходной семантики.

Имя существительное *хула* восходит к праславянской лексеме **xula*, продолжения которого выражают сходные значения, сравн.: ст.-слав. *хула* ‘хула, обвинение’, ‘богохульство’, болг. *хула* ‘хула, зловословие, клевета’, сербскохорв. диал. *hūla* ‘хула, порицание’ [5, с. 114], др.-русс. *хула* ‘порицание’, ‘позор, поношение’, ‘хула, богохульство’ [6, с. 1420]. При этом обращает на себя внимание семантика бел. диал. *хула* ‘хвала’: *Хула табе, божа...* [5, с. 114].

Этимологи сближают праслав. **xula* с др.-инд. *svárati* ‘звучать, петь, воспевать, хвалить’. Отмечается, что праслав. **xula* связана чередованием гласных с **xvala*, продолжая соотношение индоевропейских корней **sou-l-*: **sū-ō-l-* [5, с. 115].

Праславянская лексема **xvala* обнаруживает в славянских языках следующие продолжения: ст.-слав. *хвала* ‘хвала, слава, благодарение’, болг. *хвала* ‘хвала, слава’, сербскохорв. диал. *хвала* ‘слава’, ‘хвала, похвала’, ‘благодарность’ (сравн.: на *hval pitti* ‘идти на пользу, быть кстати’), ст.-чеш. *chvála* ‘слава, хвала’, ‘славословие’, чеш. *chvála* ‘похвала’, н.-луж. стар. *chwala* ‘хвала, честь’, ‘храбрость, мужество’, ст.-польск. *chwala* ‘слава’, ‘вечное блаженство’, ‘хвала, славословие’, польск. *chwala* ‘хвала, похвала’, ‘честь, слава’ [5, с. 118–119], др.-русс. *хвала* ‘восхваление, хвала’, ‘славословие’, ‘похвальба’, ‘благодарение’ [6, с. 1363].

По мнению этимологов, природа этимологической общности *хула* и *хвала* состоит в том, что и то и другое первоначально обозначало устные действия: ‘крик ликующий, торжествующий, хвалебный’ – ‘крик негодующий, презрительный’ [5, с. 115]. Таким образом, исходная семантика синкретически передавала как громкое славословие, так и неистовое негодование.

Образная составляющая рассматриваемых лексем находит свое воплощение в устойчивом сочетании *хула* и *хвала*. Несмотря на некоторую архаичность звучания, содержание данного словесного комплекса представляется вполне актуальным, а понятия «хвала» и «хула» концептуализируются и осмысливаются в связи проблемой оценочности в языке и коммуникации [7].

Рассмотрим особенности употребления устойчивого словесного комплекса *хвала* и *хула* на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [8]. Как показывают результаты исследования текстов, размещенных на данном ресурсе, устойчивый словесный комплекс *хвала* и *хула* характеризуется частотностью употребления. Поскольку значение данного фразеологического сочетания связано с проявлениями речевой деятельности, представляется закономерным, что в большинстве случаев *хвала* и *хула* употребляется для характеристики отношения, выраженного вербально. В ряде контекстов семантика рассматриваемого словесного комплекса описывается как то, что может быть воспринято на слух: *Ведь мы привыкли, что все вокруг суетятся, что-то пишут, читают написанное дрожащими от волнения голосами и терпеливо выслушивают хулу и хвалу, и только Юлик, один-единственный ничего не пишущий и потому неуязвимый, возвышается над нами, как верховный судья* (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания); *Я сказал: «А хочешь – будешь спать в заброшенной избушке, утром пальчики девичьи будут класть на губы вишни, глушь такая, что не слышна ни хвала и ни хула...»* (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский).

Однако выделяется довольно значительная часть примеров употребления рассматриваемого словесного комплекса, связанная с характеристикой испытаний, которые выпадают на долю человека: *Ему была уготована жизнь человека, что умрет в своей постели, испытав раннюю и позднюю любовь, хулу и хвалу, но умрет навсегда, а Мосштамп будет вечно странствовать по земле, выбравшись из-под груды мертвецов на дальневосточной пересылке* (В. С. Березин. «Англетер»); *Мало кто мог столь успешно витийствовать на сцене перед глазами всего человечества... беря на себя и хулу, и хвалу, не стыдясь, а гордясь своей палаческой ролью* (А. Ваксберг. Страницы одной жизни). При этом в ряде случаев подчеркивается необъективный, предвзятый ха-

рактёр отношения, выражаемого словесным комплексом *хвала и хула*: *Кстати, я не люблю Москву и за то, что хвала и хула здесь вопрос не вкуса, а моды* (Дмитрий Губин. Пятая колонка (1997) // «Столица», 17.06.1997); *Достигалось это тем, что в них хвала и хула были распределены в строгой зависимости от того, кто как платил* (А. К. Дживелегов. Очерки итальянского Возрождения);

Как свидетельствуют наблюдения над языковым материалом, в качестве объекта отношения, выраженного устойчивым словесным комплексом *хвала и хула*, закономерно выступают различные проявления словесного творчества: *Увидевший свет в 1923 году роман «Самопознание Дзено», – выпущенный, как и предыдущие, на собственные средства, – вызвав хвалу и хулу во Франции и Италии, прервал д'аннунцианский захлеб на Апеннинах и явил миру зрелого мастера...* (Юрий Буйда. Щина // «Знамя», 2000); *Наконец, давно ли боялась заглядывать в журналы, украдкой листала их в магазинах, а дома прятала под подушки, ибо и хвала, и хула в них ее первой книги казалась незаслуженной* (В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург); *В подобном разборе, как правило, критик четко формулирует то, что ты сам лишь смутно ощущал... И здесь иные мерки, нежели хула или похвала. Здесь автор рецензии, по сути, твой соратник, мы с ним разговариваем на одном языке* (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги).

Компоненты рассматриваемого словесного комплекса достаточно регулярно выступают в ряду противопоставлений: *Бог с ними, с профессиональными обличителями; хвала и хула, ода и инвектива («наезд», в буквальном переводе с латинского) – традиционные жанры русской поэзии* (Владимир Лапенков. Ars rossica: литературная Россия и фабула глобализации // «Звезда», 2003); *Суворов, Румянцев и Потемкин: мифы и дела, хула и хвала, забвение и слава...* (Сергей Баймухаметов. Триумфальная арка (2003) // «Вестник США», 15.10.2003); *Ему хвала или хула, Святой елей и комья грязи, Благой порыв и козни зла – Что блики пёстрые в алмазе...* (Мария Семенова. Волкодав: Знаменные пути); *В те времена, как и во все другие, почет и позор, хвала и хула раздавались по разнарядке* (Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009); *Когда кто имеет такой слабый и низкий дух, что для него все равно, честь и бесчестье, хвала и хула, слава и стыд, то такой недостаток называется подлость* (Я. П. Козельский. Философические предложения).

Кроме того, лексемы *хвала* и *хула* достаточно регулярно выступают в одном контексте, демонстрируя различные виды смысловых отношений: *Даже в дружеском разговоре Кайсаров следил, чтобы хула не перевесила хвалу* (Ольга Новикова. Женский роман); *Уже снеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже вержся Дивь на землю...* (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. XI–XV вв.); – *Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Итак, на основе рассмотренного материала Национального корпуса русского языка можно сделать вывод, что устойчивый словесный комплекс *хвала и хула* характеризуется достаточно широкими сочетаемостными возможностями. Кроме того, компоненты рассматриваемой фразеологической единицы регулярно выступают в ряду лексем, противопоставленных по значению. Внутренняя форма антонимов *хвала* и *хула* базируется на синкретизме исходной семантики, связанной с обозначением вербальных проявлений как одобрительного, так и осуждающего характера.

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1985. – 797 с.
2. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/info/lv/>. – Дата доступа : 12.09.2022.

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/372918>. – Дата доступа : 04.09.2022.
4. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1970. – Вып. 6. – 358 с.; 1990. – Вып. 25. – 352 с.; СПб. : Наука, 1996. – Вып. 30. – 341 с.
5. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1981. – Вып. 8. – 252 с.
6. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. III. – 1802 с.
7. Фёдорова, Л. Л. Хвала и хула в языке и коммуникации – хроника события / Л. Л. Фёдорова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2013. – № 2. – С. 221–231.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru>. – Дата доступа : 14.09.2022.

Abstract. The article discusses the features of the functioning of a stable verbal complex *khvala i khula*, built on the basis of antonymy (based on the material of texts presented in the Russian National Corpus). It is assumed that the functioning of this phraseological unit is associated with the peculiarities of semantics and the internal form of its key components.

Keywords: phraseology, compatibility, lexemes, etymology, semantics, internal form.

УДК 811.161.1'373-25:398.91

Н. Б. Мечковская

ПОСЛОВИЦЫ И АНТИПОСЛОВИЦЫ О ЯЗЫКЕ И РЕЧИ: ПАРОДИИ НА МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ПАРЕМИИ И ИХ ВКЛАД В ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Аннотация. Антипословицы о языке и речи (современные пародийные варианты и переделки фольклорных метаязыковых пословиц, известных по записям XIX в.) рассматриваются как новые смыслы, дополняющие исторически сложившиеся базовые представления обыденного сознания народа о языке и общении. Для содержания антипословиц релевантны такие идеи и тенденции, как нарастающий пессимизм в оценках речевого общения и перспектив самовыражения в слове; признание необходимости самоцензуры; непреодолимость конфликта слова и дела, одиночества и коммуникации; нек. др. В силу пародийной (вторичной и зависимой от первоисточников) природы антипословиц, их релевантность в общей картине метаязыковых представлений народа невелика, однако антипословицы о языке и речи важны как документы эпохи, говорящие о состоянии умов и отношении к жизни и коммуникации в обществе на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: пословицы и антипословицы с метаязыковой семантикой, пародийная и комическая направленность антипословиц, неизвестные классическому фольклору смыслы метаязыковых антипословиц.

1. Феномен антипословиц: термины и словари. Антипословицы – это варианты и переделки фольклорных пословиц, известных по записям XIX в., созданные для комического эффекта. Способы преобразования исходных пословиц различны. Один из самых если не частых, то наиболее комически действенных способов состоит в контаминации частей двух пословиц: на основе паремий *Баба с возу – кобыле легче* и *И волки сыты, и овцы целы* образовалась антипословица: *Баба с возу – и волки сыты*.

Феномен индивидуально-авторского преобразования ходячего оборота или пословицы отмечен еще у Аристофана, однако термин *anti-proverbs* [антипословицы] появился относительно недавно – в 1982 г., в работе Вольфганга Мидера (Mieder), профессора немецкого языка и фольклора в Вермонтском университете. Термин распространился после выхода в свет книги Мидера и Анны Т. Литовкиной «*Old proverbs never die, they just diversify: a collection of anti-proverbs*» [‘Старые пословицы не умирают,